

Э-Энгура: реальность, ставшая мифом?

Предисловие

Согласно шумерской традиции Э-Энгура (*E-engura*) – храм, построенный богом Энки в Эриду (**NUN.KI**). Энки, бог мудрости и подземного океана пресных вод – Абзу или Энгуры, являлся одним из главных божеств шумерского пантеона, а главный храм Энки был расположен в Эриду на юге Месопотамии. Эриду считается самым древним городом, первым из пяти первых городов, возникших, согласно легендарному Царскому списку (ETCSL 2.1.1), еще до потопа:

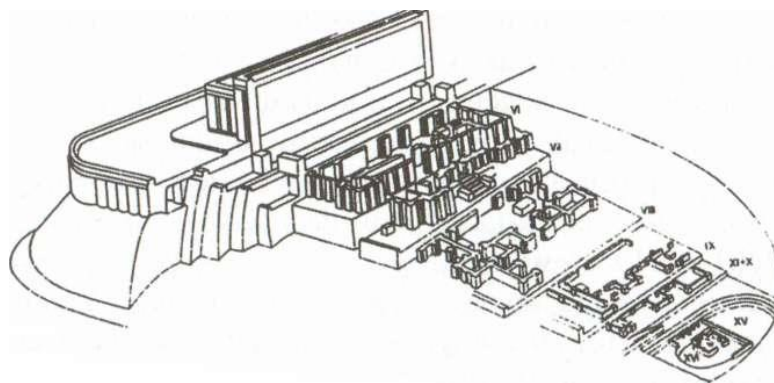
*Когда царствие спустилось с небес,
царствие было в Эриду.*

Эту же традицию подтверждает и шумерский миф о потопе (ETCSL 1.7.4):

*Когда царствие спустилось с небес, когда возвышенная корона и трон
царствия спустились с небес, божественные ритуалы и возвышенные
силы были доведены до совершенства, в священных местах были
заложены кирпичи городов, им были даны названия и ... распределены.
Первый из городов, Эриду, был дан Нудиммуду, лидеру.*

Шумеры считали, что возраст Эриду насчитывает не менее 250 000 лет (Black, 2004). Археологические раскопки при участии Р. Кемпбелла Томпсона (после Первой мировой войны), Фуада Сафара и Сетона Ллойда в районе Эриду подтвердили древние легенды – в самых нижних слоях, датированных примерно началом пятого тысячелетия до н.э., были обнаружены остатки небольшого храма – Э-Абзу, впоследствии многократно расширявшегося и перестраивавшегося.

Вот что пишет о храме в Эриду востоковед Генри Саггс: «Небольшое святилище из необожженных кирпичей было построено первыми поселенцами Эриду, и это место, скорее всего, считалось имеющим особенную святость, потому что по крайней мере двенадцать храмов было впоследствии возведено или перестроено в доисторические времена на том же самом месте. В исторический период храмы строили там же. ... В городе Эриду храм, стоявший на том же самом месте, который выбрали первые поселенцы обейдской культуры для своего святилища, был по тем временам внушительным сооружением с контрфорсами, построенным на плоской возвышенности. Его план – длинный центральный неф с помещениями, открывающимися с каждой стороны, – соответствовал генеральному плану более поздних шумерских храмов. Судя по остаткам рыбных костей в святилище Эриду, богам приносили рыбу, что, безусловно, являлось признаком важности рыболовства для экономики или того периода, или, возможно (опять-таки учитывая человеческий консерватизм в религиозных вопросах), более раннего периода. Рыбные приношения могли также означать, что бог Эриду был водным богом в обейдский период, каким он, безусловно, был позднее. ... Как показывают свидетельства из Эриду, ранние храмы урукского периода продолжили строительные традиции предыдущего обейдского периода, используя в качестве строительного материала высушенные на солнце кирпичи» (Саггс, 2012).

На рисунке показаны последовательные этапы перестройки храма в Эриду в период с пятого до третьего тысячелетия до н.э.

Востоковеды также считают, что этот храм – Э-Абзу, имеет еще одно название, а именно – Э-Энгура (Wasilewska, 2000). Э-Энгура упоминается в ряде дошедших до нас клинописных текстов древнего Шумера, однако наиболее полное описание этого храма встречается, пожалуй, только в одном произведении - в мифе «Путешествие Энки в Ниппур», который мы и возьмем за основу для детального анализа. Используемый здесь перевод мифа на русский язык осуществлен автором с английского перевода по изданию «Литература Древнего Шумера» (Black, 2010). Текст этого, как и других шумерских мифов на английском языке можно найти также в электронном корпусе текстов шумерской литературы (<http://etcsl.orinst.ox.ac.uk/>) Оксфордского университета (ETCSL). Данный миф находится в каталоге под номером 1.1.4. Необходимо отметить, что в русскоязычной литературе встречается перевод этого мифа с новошумерского В.В. Емельянова (Емельянов, 2003), однако этот перевод, в отличие от упомянутого выше английского, носит поэтизированный, авторский характер и по этой причине не всегда точно следует оригиналу, ввиду чего он малопригоден для обстоятельного анализа содержания. Согласно Емельянову, текст представляет собой гимническую аранжировку вербальной части ритуала, описывающего путешествие бога-сына к богу-отцу дабы снискать его благословение на жизнь в новом храме. Кроме вышеупомянутого мифа здесь использованы и другие тексты шумерской литературы, в которых упоминается Э-Энгура.

Миф «Путешествие Энки в Ниппур» (1.1.4) состоит из четырех частей, но лишь одна из них посвящена путешествию, поэтому название мифа не совсем точно отражает его содержание. Большая часть текста повествует о том, как бог Энки построил для себя храм - Э-Энгура, что обычно переводится как *Дом пресных вод* (George, 2004). Иногда также встречается название *Дом подземных вод*: **e₂-engur-ra**: **e₂** (дом; храм) + **engur** (подземные воды; глубинное пресноводное море). Храм строился в *те далекие дни, когда судьбы определялись; в год, когда Ан принес изобилие и люди пробились сквозь землю словно зеленые ростки*, т.е. речь идет о периоде зарождения шумерской цивилизации, первым городом которой был, как отмечалось выше, Эриду. Здесь необходимо сделать одно уточнение. Дело в том, что логограмма **e₂** обычно переводится как *дом*, однако если речь идет о божествах, то **e₂** принято, вполне естественно, переводить как *храм*. Казалось бы, ничего необычного в этом нет – существует множество других мифов, посвященных храмам или обителям богов у многих народов мира. Однако данное повествование, безусловно, стоит особняком, - настолько необычны характеристики этого храма.

Храм, построенный целиком из металла

Уже в первых строках текста отмечается поразительный факт, что храм или дом Энки целиком построен из драгоценного металла или серебра (второе значение шумерского **kug** – *серебро*), украшен лазуритом и щедро покрыт золотом, а его основание украшено сердоликом (строки 1-8, 9-17, 117-129):

*Энки – владыка, определяющий судьбы,
построил свой храм целиком из серебра и лазурита.
Серебро и лазурит его подобны яркому свету дня.*

Причем, тот факт, что храм построен из металла (серебра) и лазурита отмечается на протяжении всего повествования, словно подчеркивая уникальность строительного материала:

*Он построил храм из драгоценного металла,
украсил его лазуритом и щедро покрыл золотом.*

...

*Храм, построенный из драгоценного металла
и лазурита; чьи сваи вбиты в Абзу...*

...

храм, возведенный из серебра и украшенный лазуритом...

Лазурит – минерал серо-синего или сине-серого цвета.

Ассириологи придерживаются мнения, что описание храма в мифе носит исключительно символический или метафорический характер и, следовательно, подобные обороты речи нельзя понимать буквально. Однако, если эти слова нельзя понимать буквально, то надо признать, что шумеры, строившие дома и храмы из тростника и глины, камня, кирпича-сырца или из обожженного кирпича, но никак не из металла, тем более драгоценного, предвосхитили развитие строительных технологий и техники на тысячи лет, вообразив сооружение, полностью построенное из металла, что представляется крайне маловероятным. Возможно, в мифе действительно описывается некое сооружение из металла? Хотя такие драгоценные металлы как золото и серебро в на территории Древней Месопотамии, безусловно, были известны, их использование ограничивалось, как правило, ювелирными изделиями и небольшими предметами особого предназначения. Г. Саггс отмечает, что, например, в эпоху Джемдет-Наср, а это примерно третье тысячелетие до нашей эры, из металлов шумерам были известны лишь золото, серебро, свинец и медь. «Хотя металл был уже известен представителям халафской культуры и северной части (правда, не первоначальным южным поселениям) Обейда, только в урукский период металл стал повсеместно использоваться» (Саггс, 2012). К тому же в тексте указывается, что храм построен не только из серебра, но и из лазурита (*za-gin₃*), непрозрачного минерала серо-синего или серо-фиолетового цвета. Лазурит ценится своими декоративными свойствами, встречается довольно редко и, естественно, не мог использоваться в качестве строительного материала даже в небольших количествах.

Можно предположить, что шумерская логограмма *za-gin₃*, обычно имеющая лексическое значение *лазурит*, в данном контексте обозначает не собственно полудрагоценный камень, а цвет, выступая в качестве прилагательного к слову *драгоценный металл/серебро*. Это подтверждается и тем, что во всех приведенных примерах логограмма *za-gin₃* стоит после логограммы *kug*, что характерно именно для прилагательных, определяющих существительное. Из шумерского клинописного текста, представленного в базе ETCSL транслитерацией, следует также, что отсутствует логограмма, которая имела бы значение *украшать* и т.п. в отношении лазурита. Очевидно, этот глагол добавлен в переводе с тем, чтобы как-то объяснить взаимосвязь между словами *серебро* и *лазурит*. Кроме того, мы в других текстах действительно есть примеры, когда слово *лазурит* используется для обозначения цвета и, таким образом, играет роль прилагательного по отношению к предшествующему существительному. Так, например, в сказании «Строительство храма Нингирсу» (ETCSL, 2.1.7) имеется словосочетание *синяя (za-gin₃) колесница*. В мифе «Инанна и Энки» (1.3.1) встречаем словосочетание *Синий (za-gin₃) причал*. В мифе «Инанна и Эбих» (1.3.2) говорится о том, как Инанна одела на ноги ремни (букв.полоски) из лазурита. Совершенно очевидно, что полоски или ремни не могут быть каменными. Более того, в табличке времен царя Лагаша Урукагины (ок. 2319 – 2311 гг. до н.э.) с описанием

набегов соседней Уммы, многократно (14 раз!) повторяется фраза, что, разрушая и разграбляя храмы Лагаша воины Уммы *уносили драгоценный металл (и) лазурит* (Kramer 1963), причем по-отдельности драгоценный металл и лазурит ни разу не упоминаются, подтверждая тем самым предположение, что эта фраза представляет собой устойчивое словосочетание, под которым следует понимать похожий на лазурит металл, а соединительный союз *и* добавлен переводчиком в попытке трактовать слова *драгоценный металл и лазурит* как обособленные понятия. Это же словосочетание встречается в «Плаче по Шумеру и Уру» (2.2.3): *лодки увозили серебро и лазурит (kug za-ginз)*. То же самое в «Плаче по Эриду» (2.2.6): *Дом, сверкающий серебром и лазуритом (kug za-ginз)*. Таким образом, можно вполне обоснованно допустить, что и в данном случае слово *лазурит* обозначает не камень, а цвет или оттенок металла, из которого построен храм. Данное предположение находит еще одно подтверждение в изложении этого мифа в книге «Мифы об Энки, хитроумном боге» С. Крамера и Дж. Майера, где говорится, что бог Энки построил свой дом из *серебра и лазурита, слитых в единое* (!). Таким образом, можно достаточно аргументированно предположить, что в мифе речь идет не о двух разных материалах, из которых построен храм Энки, а об одном материале, - металле, который по цвету напоминает одновременно серебро и лазурит, т.е. речь идет о металле темно-стального или синева-серого оттенка. Однако в этом случае возникает вопрос, каким образом автор текста смог представить себе нечто подобное, не имея никаких аналогий в окружающем мире? С другой стороны, если безымянный автор действительно видел подобный металл, то разве можно точнее описать увиденное, чем воспользоваться аналогией серебристого металла и лазурита?

Подобное описание может свидетельствовать о том, что автор повествования не фантазирует, а лишь излагает увиденное: во-первых, непонятно с какой целью автору понадобилось бы изобретать храм, построенный не из кирпича-сырца, а из металла, а во-вторых, сам характер повествования свидетельствует не о вымысле неизвестного автора, а скорее о констатации факта. Представляется вполне разумным предположить, что автор произведения пытается передать увиденное с помощью доступной ему лексики и известных ему понятий.

Возможно, если бы крайне своеобразные свойства храма ограничивались только использованием необычного сине-серого металла в качестве строительного материала, это еще можно было объяснить метафорами, гиперболами, иносказаниями. Но в повествовании речь идет о целом ряде крайне удивительных и не вписывающихся в историко-временной фон шумерской цивилизации атрибутов этого нового храма Энки.

Храм находится в воде

Помимо того, что храм сделан из металла, он еще и находится в Абзу, т.е. в воде, а не на земле. Достаточно очевидно, что подобное сооружение не может иметь ничего общего с типичным шумерским храмом из необожженного кирпича. Даже если допустить символический смысл повествования, крайне затруднительно объяснить, почему храм должен располагаться в воде. В своих переводах и работах С. Крамер называет Э-Энгура не храмом, а морским домом (Kramer, 1988).

Далее в строках 18-25 уточняется, что *сваи основания* или фундамент храма *вбиты* в Абзу. Также отмечается, что *сваи основания* украшены сердоликом. Поскольку под Абзу понимается океан пресных подземных вод, то естественно предположить, что основание сооружения уходит под воду или скрыто под поверхностью воды и имеет красно-коричневый цвет, напоминающий сердолик. Невольно вспоминаются современные суда, зачастую окрашенные ниже ватерлинии в красный цвет...

Э-Энгура высоко возвышается над землей и стоит на краю Энгуры – пресных (подземных) вод, т.е. у берега (строки 49-61). В той же литургической песне говорится: *дом, ... чье основание установлено в Абзу ...* Храм представляет собой *искусно сооруженную гору, что держится на плаву* (строки 71-82). Сооружение сравнивается с высокой башней или цитаделью, а также необычной короной, высоко возвышающейся над поверхностью воды:

Искусно созданная яркая корона, поднимающаяся из Абзу, была возведена для владыки Нудимуда.

В строках 49-61 Э-Энгура фактически отождествляется с самим Эриду:

«Эриду, любимец Энки, Э-Энгура, чье нутро полно изобилия! Абзу, жизнь Страны, любимец Энки! Храм, построенный на краю, под стать божественным МЕ! Эриду, тень твоя простирается до середины моря! Вздвигающееся море, не имеющее равных; могучая, внушающая благоговение река, что ужасает Страну! Э-Энгура, высокая цитадель (?), прочно стоящая на земле! Храм у края Энгуры, лев в сердце Абзу, возвышенный храм Энки, привносящий в Страну мудрость; твой рев, подобный реву могучей бурной реки, достигает (?) царя Энки».

Тот факт, что Э-Энгура располагается в воде и отождествляется с Эриду, подтверждается и другими источниками. В «Плаче по Шумеру и Уриму» (ETCSL 2.2.3) говорится о том, что *Эриду, находящийся на поверхности великих вод, лишился питьевой воды*. В «Плаче по Эриду» (ETCSL 2.2.6) читаем: *Дом царственных МЕ, стоящий в могучих водах, - воды отошли от него*.

В мифе «Энки и мировой порядок» (ETCSL 1.1.3) дом Энки описывается как великая причальная мачта неба и земли:

*Велеречивый господин неба и земли, самоуверенный отец Энки, ... посадил теж-дерево в Абзу, вздымающееся над всеми землями; великого дракона, что стоит в Эриду, чья тень покрывает небеса и землю; лозу, что стелется над Шумером; Энки, господин Аннунаков,... Твой дом заложен в Абзу, великая причальная мачта (вариант: швартовный столб) неба и земли (**dim gal an ki-a**).*

Фраза **dim gal an ki-a** по-разному трактуется учеными: *швартовный трос; связь неба и земли*; (George, 1992), в зависимости от интерпретации логограммы **dim**: *шесть, столб и т.п.*

Э-Энгура – обитель бога Энки

Мы уже упоминали, что Самюэль Крамер считал Э-Энгуру не храмом, а морским домом Энки. В произведении «Энки и Нинмах» (ETCSL 1.1.2) подтверждается, что Э-Энгуру являлась обителью бога Энки:

В то время, великомудрый, создатель всех старших богов, Энки, лежал на своем ложе, погруженный в сон, в глубине Энгуры, в подземных водах, в месте, куда не заглядывал ни один бог.

Представляется совершенно очевидным, что Э-Энгура не могла служить ни храмом в Эриду, руины, которого были обнаружены в ходе раскопок, ни каким-либо другим храмом, даже символическим, поскольку:

- Э-Энгура находилась в воде (Абзу)
- Э-Энгура являлась обителью бога Энки и его ближайшего окружения
- Энки не допускал никого в свою обитель, включая других богов
- Нет никаких намеков на то, что Э-Энгура выполняла какие-либо функции, присущие храму, даже символически

То, что обитель бога Энки находилась под водой, подтверждается довольно многочисленными изображениями на цилиндрических печатях:

Аккадская цилиндрическая печать, на которой изображен, вероятно, Энки в своей водной обители. Вода окружает обитель со всех сторон (BM 89 771, Британский музей)

Еще одна аккадская цилиндрическая печать, изображающая Энки, сидящего в своей обители в Абзу. Обитель со всех сторон окружена водой (Багдад, Иракский музей).

Цилиндрическая печать. Энки держит сосуд, из которого изливаются пресные воды, сидя в своей обители в Абзу. Его охраняют два обнаженных человека (Лахму?), держащие нечто напоминающее стилизованные воротные столбы. Перед ним, очевидно, суккал (верховный чиновник) или визирь Изимуд

Энки, естественно, мог подниматься на поверхность:

Когда Энки поднимается, рыба поднимается перед ним волной.

Из этих слов можно понять, что при подъеме Энки из глубины на поверхность всплывали стаи испуганных рыб, что может свидетельствовать об относительно значительных размерах поднимающегося из воды объекта. Такая картина мало похожа на фантазирование.

После описания храма в тексте упоминается судно, которое *отчаливает само по себе*, причем буксирный канат также *держится сам собой*, а вода при этом громко *бурлит своему хозяину*. Далее говорится уже о самом Энки: *Словно море, он внушает благоговение; словно могучая река, он вселяет ужас. Евфрат вздымается перед ним как перед свирепым южным ветром* (83-92). Из этих строк можно следует, что в распоряжении Энки также находилось судно, которое могло перемещаться *само по себе*, т.е. являлось самоходным, и, очевидно могло, развивать довольно приличную скорость, поскольку *река бурлит и вздымается перед ним как перед свирепым южным ветром*. Для современного человека такое судно является чем-то обычным и заурядным. Вопрос в том, мог ли автор, описывая, как считают ассириологи, вымышленный храм, додуматься до чего-либо подобного где-то 4-5 тысяч лет тому назад, предвосхитив современную технику? Если это только вымысел, остается непонятным, с какой целью автору понадобилась прибегать к столь незаурядному фантазированию.

Храм ревет, произносит фразы и дает советы

Одним из наиболее поразительных свойств так называемого храма является то, что *кладка его фразы произносит и советы дает* (строки 9-17).

Кладка его фразы произносит и советы дает. Его карнизы режут быкам подобно; храм Энки издает рев. Ночью храм славит своего господина, предлагая ему все лучшее!

В строках 33-43 говорится о том, что храм издает громкий рев:

Храм Энки обеспечен священным воском (?); это бык, послушный своему хозяину, ревуший сам по себе и одновременно дающий совет.

Каким образом можно интерпретировать эти строки? Какую мысль хотел передать автор произведения? Каким образом кладка способна что-либо произносить и даже давать советы? Ассириологи не дают ответов на эти вопросы. Тем не менее, согласно тексту, храм способен произносить осмысленные фразы, которые можно интерпретировать как советы или, например, предупреждения. Загадочная способность храма произносить фразы подчеркивается тем, что храм также издает громкий шум или рев сам по себе. Следовательно, автор явным образом разграничивает и отличает громкий рев храма от осмысленных фраз.

Что еще более поразительно то, что у современного человека подобные описания могут вызвать ассоциации с каким-либо переговорным или предупреждающим устройством. Еще сложнее поверить в то, что шумеры могли просто вообразить нечто подобное. Если, как считают востоковеды, это лишь вымысел или иносказательный оборот, то автор, думается, не ограничился бы констатацией факта, что *кладка умеет говорить*, но и пояснил бы суть и характер произносимых фраз, а также назначение как самой *кладки*, так и ее *советов* по мнению автора. Однако ничего подобного ни в одном тексте нет, и создается впечатление, что автор сказания пытается лишь своими словами передать действие и функциональное назначение некоего загадочного для него устройства, расположенного на так называемой *кладке*. Поскольку сооружение металлическое, под *кладкой*, очевидно, следует понимать стену или корпус судна: и действительно, шумерская логограмма *sig₄ (cig)* имеет следующие значения по лексикону Дж. Халлорана:

sig₄: высушенный на солнце необожженный кирпич; кирпичная кладка; стена (стены).

Таким образом, логично предположить, что в мифе речь идет, скорее всего, не о кирпичной кладке, поскольку сооружение построено, как отмечалось выше, из металла, а о вертикальной поверхности.

Рев храма сравнивается с ревом могучей реки: *твой рев, подобный реву могучей бурной реки, достигает (?) царя Энки*, а фраза о том, что храм *послушен своему хозяину*, подразумевает, что Энки мог каким-то образом управлять сооружением.

«Священный тростник», «священный небесный затвор»

В повествовании отмечается, что храм *обеспечен священным воском*, окружен *изгородью из священного (kug) тростника*, в глубине храма расположен высокий трон, а его *дверной косяк – священный (kug) небесный затвор*. Каким образом можно интерпретировать словосочетания *изгородь из священного тростника* и *священный небесный затвор*? Фразы представляются довольно бессмысленными даже в контексте мифологического произведения. Однако если исходить из гипотезы, что речь может идти о реальном сооружении, а также того, что основное значение логограммы **kug** – металл, то под *изгородью из священного тростника* могут подразумеваться металлическое ограждение, поручни и т.п., а под *священным небесным затвором* – некий запорный механизм или замок. Определяющим словом в этих фразах является *священный* и *небесный*: прилагательные явно используются автором исключительно для того, чтобы подчеркнуть отличие описываемых *затворов, изгородей* и пр. деталей сооружения от привычных, «земных» аналогов, выполняющих те же функции. В этом случае фразы приобретают вполне конкретный смысл и логичность. Далее в мифе речь идет о неких, предположительно музыкальных, инструментах, которые *отдают лучшее священному храму*, но при этом *алнар-инструмент* самостоятельно играет для Энки (62-67), что тоже необычно для музыкального инструмента.

Внутреннее устройство храма

Энки никого не допускает внутрь храма: *Нудиммуд, владыка Эриду, никому не позволяет заглянуть внутрь*. Наверно, после этих строк уже не должно остаться никаких сомнений, что Э-Энгура не имеет с ничего общего со стоящим на земле храмом. Храмам Шумера, их функционированию, архитектуре, служителям и ритуалам посвящено очень много обстоятельных работ, но при этом нет никаких упоминаний о том, что входить в храм может быть запрещено, - это противоречило бы самой сути и назначению храма. Так, Жан Боттеро отмечает, что «священники жили *внутри* храма и жили *за счет* храма, в соответствии с правилом: священник живет за счет алтаря» (Bottéro, 2004). Имеются свидетельства, что в более поздние периоды не все помещения храмов были общедоступны, но нигде не упоминается о том, что храм может быть вообще закрыт для всех. Вот что, например, пишет о храмах Месопотамии Ян Уилсон: «Самые первые храмы южной Месопотамии представляли собой маленькие, однокомнатные постройки, ...» и далее: «В самые древние времена храмы, очевидно, были открыты для всех, а алтарь располагался в однокомнатной постройке. Позднее, однако, общедоступны были только наружные дворики, и алтарь был вынесен наружу» (Wilson, 1999). Уместно напомнить, что в данном мифе говорится о том, что храм был построен богом Энки *в те далекие дни, когда судьбы определялись*, - т.е. в начале зарождения шумерской цивилизации.

В рассматриваемом повествовании нет никаких описаний внутреннего устройства храма, за исключением упоминания о высоком троне (строки 33-43):

В твоём сердце высокий трон возведен, твой дверной косяк – священный небесный затвор.

Однако в мифе «Энки и мировой порядок» (ETCSL, 1.1.3) Э-Энгура описывается следующим образом (строки 285-298):

Владыка установил обитель, священную обитель, чей интерьер искусно построен. Он установил обитель в море, священную обитель, чей интерьер искусно создан. Эту обитель, чей интерьер – запутанная нить, нельзя постичь. Стоянка обители находится в созвездии Поля, блестящая верхняя часть обители обращена к созвездию Колесницы. Ее устрашающее сияние – вздымающаяся волна, ее блеск вселяет ужас. Аннунаки не осмеливаются к ней приблизиться. ... чтобы взбодрить их сердца, дворец радуется. Аннунаки стоят рядом с молитвами и мольбами. В Э-Энгура установлена великая платформа для Энки, для владыки Великий принц пеликан морской.

В этом отрывке мы находим еще одно подтверждение тому, что *обитель* представляет собой сложное сооружение с необычным и недоступным пониманию шумеров внутренним устройством. Как уже отмечалось выше, архитектура и устройство шумерских храмов очень подробно описаны в огромном количестве работ, остатки храмов досконально изучены, а сами храмы с достаточной долей достоверности реконструированы и, конечно, нигде нет и намека на какие-либо помещения, не поддающиеся пониманию.

Кроме того, слова о невозможности постичь внутреннее устройство храма, которое автор отождествляет с запутанным клубком нитей, подразумевает очень сложное и непонятное для автора внутреннее устройство сооружения, что может косвенно подтверждать предположение, что речь идет не о вымышленном, а о реальном, материальном сооружении. Если бы храм был лишь воображаемым, плодом фантазии, автор вряд ли стал бы говорить о недоступном его пониманию внутреннем устройстве храма.

В заключительной части мифа рассказывается, что Энки отправляется в Гигуну - святилище Ниппура, где закатывает банкет для Ана, своего отца Энлиля и других богов (Примечателен сам факт, что пиршество и возлияния происходят в помещении, которое считается «святилищем»). Последние строки мифа посвящены восхвалению Энки и его творения.

Интерпретация

Представляется, что мы достаточно убедительно показали, что Э-Энгура не является и не могла являться храмом. Согласно как дошедшим до нас текстам, так и шумерской традиции в целом, Э-Энгура служила домом, обителью для бога Энки, где он находился со своей матерью. В качестве обители Энки Э-Энгура демонстрирует целый ряд крайне поразительных для жителей Древней Месопотамии, но вполне узнаваемых и понятных современному человеку атрибутов и характеристик:

- Э-Энгура создана полностью из металла, предположительно темно-серого оттенка
- Э-Энгура находится в воде (Абзу)
- Э-Энгура представляет собой сложную конструкцию, высоко возвышающуюся на поверхности воды
- Э-Энгура имеет замок, кровельные балки, лестницу
- Э-Энгура имеет ограждение
- Э-Энгура издает громкий шум
- Э-Энгура способна издавать осмысленные фразы
- Энки способен управлять сооружением
- внутреннее устройство Э-Энгуры отличается высокой степенью сложности
- Энки может подниматься из глубины на поверхность
- в распоряжении Энки находится самоходное судно

Как ни удивительно, учитывая столь необычное содержание повествования, ученые зачастую ограничиваются лишь его кратким пересказом и упоминанием, что описание храма носят исключительно символический или метафорический характер. Так, Самюэль Крамер в предисловии к своему переводу этого мифа («Энки и Эриду: Путешествие бога воды в Ниппур») ограничивается перечислением «волшебных» свойств храма. В работе «Храм в шумерской литературе» С. Крамер отмечает, что описание храма в мифе носит символический, иносказательный характер, но не поясняет, чем такое мнение обосновано: «В этом произведении поэт описывает Э-Энгуру символически и метафорически...» (Kramer, 1988).

В 2013 г. в издательстве Routledge Worlds вышел энциклопедический сборник The Sumerian World («Мир шумеров») под редакцией Гарриет Кроуфорд, который, очевидно, является на сегодняшний день наиболее полным и авторитетным изданием по цивилизации шумеров. В статье Бенджамина Р. Фостера, профессора – ассириолога Йельского университета, посвященной мифологии Шумера, мы встречаем следующее описание рассматриваемого нами мифа: *В «Путешествии Энки в Ниппур», Энки строит для себя прекрасный дворец в своем собственном городе, Эриду, который восхваляется на значительном отрезке повествования. Когда дело сделано, он отправляется в путешествие в Ниппур, где по прибытии в его честь устраивается праздник. Затем Энки устраивает банкет в честь Энлиля, в завершении которого Энлиль выступает с речью, выражая свою радость по поводу строительства нового дворца* (Crawford, 2013). В академической литературе внимание почему-то акцентируется на поездке Энки к Энлилю в Ниппур по завершении строительства храма, чему посвящены лишь последние 35 строк из 129.

В очень обстоятельной работе эстонского востоковеда П. Эспака под названием «Бог Энки в шумерской царской идеологии и мифологии», данное произведение не только не рассматривается, но даже не упоминается, правда автор отмечает, что его исследование ограничивается мифологией, связанной с созиданием и сотворением (Espak, 2010).

Таким образом, представление о символическом или метафорическом характере произведения «Путешествие Энки в Ниппур» оказывается не подкрепленным сколько-нибудь обстоятельным анализом или исследованием. В работах ассириологов как правило утверждается, что Э-Энгура - это еще одно название храма бога Энки в Эриду, известного как Э-Абзу (George, 2004; Dalley, 2008). В словаре по мифологии древней Месопотамии Э-Энгура также упоминается в качестве альтернативного названия храма Энки Э-Абзу (Black, 2004). В чем же, например, состоит символизм храма, построенного исключительно из металла? Почему храм находится в воде? Что может символизировать рев храма, или его способность произносить фразы и давать советы? Как понимать слова о том, что храм послушен своему хозяину? Отсутствие ответов на эти вопросы ставит под сомнение концепцию иносказательного или метафорического характера повествования.

Вышеперечисленные атрибуты и характеристики храма Энки представляются не только необычными, но и не вписывающимися в историко-временной фон шумерской цивилизации. В тоже время эти атрибуты и характеристики удивительным образом напоминают современные нам сооружения или устройства:

Атрибуты и характеристики храма

Возможная современная интерпретация

Храм, построенный целиком из серебра и лазурита

Металлическое сооружение, установка, платформа и т.п.

Искусно созданная яркая корона, высокая цитадель, искусно сооруженная гора

Технологическое инженерное сооружение типа нефтяной платформы и т.п.

Священный небесный затвор

Металлический запорный механизм/замок

Изгородь из священного тростника

Металлическое ограждение, решетка

*Храм Энки издает рев,
ревет сам по себе
Храм произносит фразы и дает советы*

*Работа механизмов или двигательной установки
Например, устройство контроля доступа,
система безопасности и т.п.*

Интерьер храма – запутанная нить, нельзя постичь

Например, кабелепроводы, трубопроводы и т.п.

Судно отчаливает само по себе

Самоходное судно

Очевидно, проблема сводится к одному вопросу: действительно ли перед нами мифологическое описание вымышленного храма или все же примитивное описание некоего технического сооружения или объекта?

Чем можно объяснить то обстоятельство, что описанные в мифе атрибуты храма вызывают столь явные параллели с хорошо известными современному человеку техническими объектами или устройствами? Может ли это быть простым совпадением? Почему автор вымышленного произведения признается в недоступности его пониманию внутреннего устройства храма? Почему автор как будто озадачен и поражен атрибутами храма, если они являются плодом его собственного воображения?

Может ли оказаться, что в Древней Месопотамии действительно присутствовали представители высокоразвитой цивилизации, сыгравшие решающую роль в возникновении и развитии шумерской цивилизации? Вполне вероятно – во-первых, это нисколько не противоречит современным научным концепциям и взглядам на мироустройство, и во-вторых, как мы убедились, имеются косвенные свидетельства присутствия в Месопотамии (да и в других частях света) представителей высокоразвитой цивилизации, которые трудно игнорировать.

Мы зачастую легко оперируем таким понятиями и терминами как религия или боги, особенно не задумываясь над их истинным смыслом, происхождением и восприятием. Мы, например, говорим о богах Древней Месопотамии. Но какой смысл вкладывали в понятие бог или божество сами жители Месопотамии? Как известно, божеств шумеры обозначали в клинописи знаком звезды. Фонетически это понятие представлено словом *дингир*, этимология которого неизвестна. А поскольку этимология слова неизвестна,

его перевод словом *бог* является условным и, строго говоря, необоснованным. Тем не менее, Джон А. Халлоран (Halloran) в своем шумерском лексиконе предлагает следующее толкование:

dingir: бог, божество, детерминатив божественных существ ((*di*, 'решение', + *gar*, 'принимать')

Следовательно, если Дж. Халлоран прав (и за неимением обоснованных альтернативных вариантов), слово *дингир* было бы правильнее переводить как *тот, кто принимает решения*, т.е. *повелитель* или *правитель*. Излишне подчеркивать ту пропасть, которая разделяет понятия *бог* и *повелитель/правитель*. И вновь, если доверять самим шумерам, то они не постоянно ссылаются на то, что их единственное предназначение – лишь обслуживать тех, кого они обозначают словом *дингир*. Шумеры не испытывали к своим «богам» абсолютно никакого священного пиетета, обычно свойственного верующим.

Жан Боттеро, сравнивая доисторическую религию шумеров с такими основными историческими религиями как, например, иудаизм, христианство и буддизм с характерными для них незыблемыми догмами и доктринами, требующими беспрекословного подчинения и строгого следования установленным раз и навсегда правилам и ритуалам, отмечает, что в религии Месопотамии превалирует «центробежное» чувство страха, уважения и рабской покорности по отношению к божествам, без хотя бы каких-нибудь намеков на экзальтацию или возвышенные чувства. Кроме того, это была религия, в которой совершенно отсутствовали священные писания, религиозные авторитеты, догмы или фанатизм. «Ни один документ не свидетельствует о наличии у человека чувства божественного. Боги ... «жили» на небесах, на земле, под землей, в своих храмах, и в своих изваяниях, но никогда – в сердце или в душе индивидуума» (Bottéro, 2004). И там же: «В месопотамской религии не было абсолютно никакой «мистики». Ее боги считались очень высокопоставленными «руководителями», ..., они были далекими и высокомерными «начальниками», хозяевами и правителями, но, прежде всего, они не были дружелюбными! Им подчинялись, их боялись, им преклонялись и перед ними дрожали: но они не «нравились» и их не «любили». Это описание замечательно вписывается в традиционные представления об отношениях между представителями цивилизаций, находящихся на разных дает нам повод еще раз задуматься о природе так называемых «богов» Шумера.

И второе: дошедшие до нас тексты шумеров, в которых так или иначе фигурируют персонажи шумерского пантеона (*дингир*), как правило, считаются плодом воображения, и, таким образом, автоматически причисляются к категории мифов. Однако, как мы видим на примере «Путешествия Энки в Ниппур», ни характер данного повествования, ни описываемые в нем события никак не походят на то, что обычно считается мифическим повествованием. Скорее, наоборот, - при знакомстве с текстом создается впечатление, что шумеры стремились сообщить то, о чем им было известно или чему они сами были свидетелями, однако вынужденно пользовались тем довольно ограниченным кругом понятий и категорий, которым они владели на том этапе своего развития. Создается впечатление, что автор пытался описать реальные объекты, которые во многом были недоступны их пониманию, в т.ч. их функция и назначение. В мифе отсутствует что-либо иррациональное, сверхъестественное или явно вымышленное, как нет в нем и ничего божественного или религиозного. Конечно, это не исключает вероятности, что текст повествования мог использоваться в более поздние периоды в ходе религиозных ритуалов или церемоний.

Иконография

Безусловно, в поиске ответа на вопрос, мог ли описываемый храм или сооружение являться реальным, а не мифическим объектом, нам могли бы помочь сохранившиеся изображения, имеющие отношение или ассоциирующиеся с понятием Э-Энгура.

Хотя изображений, которые можно было бы достаточно уверенно соотнести с описываемым в мифе храмом, нет, можно вспомнить, что в литературе Древней Месопотамии Э-Энгура очень часто отождествлялась с Эриду несмотря на то, что Эриду обычно воспринимается как топоним, географическое название. Примеры отождествления понятий Э-Энгура и Эриду есть и в рассматриваемом произведении (строки 49-61):

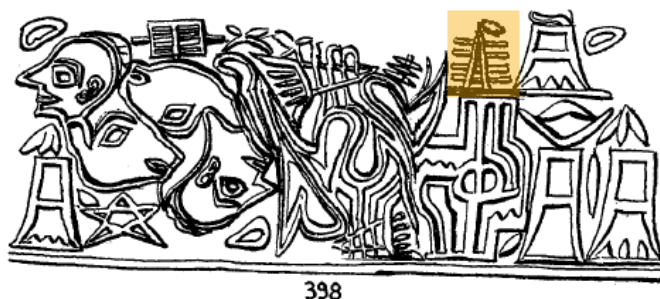
«Эриду, любимец Энки, Э-Энгура, чье нутро полно изобилия! Абзу, жизнь Страны, любимец Энки! Храм, построенный на краю, под стать божественным МЕ! Эриду, тень твоя простирается до середины моря! Вздвигающееся море, несравненное; могучая, внушающая благоговение река, что ужасает Страну! Э-Энгура, высокая цитадель (?), прочно стоящая на земле! Храм у края Энгуры, лев

в сердце Абзу, возвышенный храм Энки, привносящий в Страну мудрость; твой рев, подобный реву могучей бурной реки, достигает (?) царя Энки».

Во фразе *Эриду, любимец Энки, Э-Энгура, чье нутро полно изобилия!* Эриду и Э-Энгура представлены как полные синонимы. Далее, в предложении *Эриду, тень твоя простирается до середины моря!* слово *Эриду* фактически замещает слово *Э-Энгура*, поскольку речь идет о тени, падающей от высокого сооружения, т.е. подразумевается Э-Энгура. Более того, во многих работах понятия Абзу и Энгур, обозначающие подземный океан пресных вод, обычно рассматриваются как синонимы (Espak, 2010). Также не представляет сомнений, что Э-Энгура, если она действительно существовала как материальное сооружение, должна была играть заметную роль в Эриду в качестве заметного объекта, своеобразной «достопримечательности».

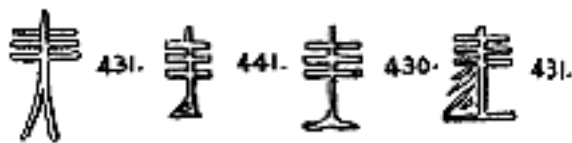
Во время археологических раскопок в Уре под руководством Леонарда Вулли на табличках и крышках кувшинов были обнаружены отпечатки так называемых печатей городов. Такие печати предположительно использовались для опечатывания емкостей или дверей складских помещений, где хранилась сельскохозяйственная продукция, принадлежащая или привезенная из соответствующих городов. Отпечатки печатей относятся к раннединастическому периоду (2900-2350 г.г. до н.э.) и были подробно изучены и описаны, наряду с другими найденными изображениями печатей, Л. Леграном в объемном труде «Изображения на архаичных печатях из Ура» (Legrain, 1936).

Согласно Леграну, символы на печати под номером 398, показанной ниже, обозначают шумерские города Ларсу, Дер, Урук и Эриду, причем Эриду представлен так называемым «высоким шестом» с четырьмя перекладинами в верхней части изображения.

На рис. 431 пиктограмма Эриду представлена в правом верхнем прямоугольнике изображения, на рис. 430 – вверху слева, и на рис. 441 в верхнем регистре.

Резонно заключить, что на печатях городов отображались самые примечательные, узнаваемые объекты, по которым можно было легко определить тот или иной город. Символом Эриду, как отмечалось, является пиктограмма, изображающая то, что ассириологи обычно называют высоким шестом с перекладинами:

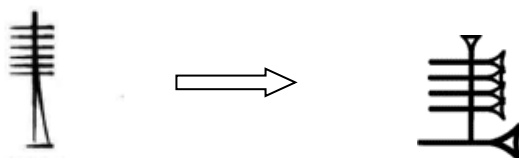

«Искусно созданная яркая корона, поднимающаяся из Абзу»

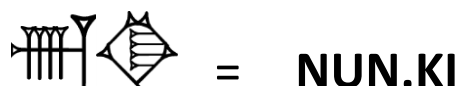
Если данная пиктограмма изображает Э-Энгура как основную «достопримечательность» Эриду, то это изображение действительно больше напоминает техническое сооружение или его верхнюю часть, похожую на антенну, а также удивительно хорошо согласуется с вышеприведенными описаниями:

- высокая цитадель
- искусно созданная яркая корона, поднимающаяся из Абзу
- твои кровельные балки – бык небесный, искусно сделанное яркое оголовье
- Эриду, тень твоя простирается до середины моря!
- Энки воздвиг Эриду, эту искусно сооруженную гору, что держится на плаву
- твой великий дом заложен в Абзу, великая причальная мачта (швартовный столб) неба и земли

Причем в протописьменный период символ Эриду имел следующий вид (Englund, 1998, 2006) и впоследствии эта пиктограмма приобрела вид клинописного знака **NUN**:

В клинописи слово Эриду обозначается следующим образом:

Логограмма **KI**, как известно, имеет значения *место, земля*. Этимология слова Эриду неизвестна, поэтому **NUN.KI** порой трактуется по-разному в зависимости от интерпретации знака **NUN**. Согласно электронному шумерскому словарю Пенсильванского университета (ePSD) Эриду переводится как *guidance*, т.е. *ориентация, указание направления*.

Небезынтересно также отметить, что шумеры дали название **Nunki** (Эриду) второй по яркости звезде из зодиакального созвездия Стрельца (Сигма Стрельца). Звезда находится на расстоянии 228 световых лет от Земли. Сигма Стрельца была отождествлена со звездой **Nunki** по так называемой Табличке тридцати звезд, где она описывается как Звезда манифестации Моря, причем под Морем понимается участок небосвода, занимаемый созвездиями Водолея, Козерога, Дельфина, Рыб и Южной Рыбы (Allen, 1899). Крайне необычно, что одна из звезд носит название первого шумерского города, однако взаимосвязь между звездой и Эриду остается неизвестной.

Заключение

Таким образом, мы достаточно убедительно показали, что Э-Энгура не является храмом. Нет никаких свидетельств, что Э-Энгура выполняла какие-либо свойственные храму функции. Имеющиеся описания и атрибуты Э-Энгуры также не имеют ничего общего с храмом. Утверждения ассириологов о том, что Э-Энгура представляет собой мифический храм, а описание носит символический или метафорический характер, не подтверждаются убедительными исследованиями или доводами. Характер и детализация повествования

свидетельствуют скорее в пользу того, что перед нами не вымысел, а описание реального, материального объекта и связанных с ним событий, сделанное сквозь призму представлений человека, жившего не менее 4 тысяч лет назад и находящегося на уровне развития, вполне соответствующим тому времени, когда этот текст был предположительно впервые зафиксирован (примерно II тысячелетие до н.э.).

Э-Энгура могла представлять собой сложное техническое сооружение. Эта гипотеза подтверждается не только имеющимися текстами, но и изображениями, - в частности, оттисками печатей и пиктограммами, отражающими, очевидно, Э-Энгуру как наиболее примечательный объект местности, который и стал символом Эриду – первого города на земле.

Если эта гипотеза верна, отсюда неизбежно следует присутствие в Древней Месопотамии представителей высокоразвитой цивилизации, которые и обозначались словом *дингир*, этимология которого считается неизвестной, но, возможно (по А. Халлорану) имеет «принимающий решения». В текстах Древней Месопотамии имеются и другие косвенные свидетельства присутствия представителей высокоразвитой цивилизации, однако их рассмотрение выходит за рамки данной статьи.

Приложение: Текст мифа на английском языке с параллельным переводом на русский язык.

Enki's journey to Nibru

1-8. In those remote days, when the fates were determined; in a year when An brought about abundance, and people broke through the earth like green plants -- then the lord of the abzu, king Enki, Enki, the lord who determines the fates, built up his temple entirely from silver and lapis lazuli. Its silver and lapis lazuli were the shining daylight. Into the shrine of the abzu he brought joy.

9-17. An artfully made bright crenellation rising out from the abzu was erected for lord Nudimmud. He built the temple from precious metal, decorated it with lapis lazuli, and covered it abundantly with gold. In Eridug, he built the house on the bank. Its brickwork makes utterances and gives advice. Its eaves roar like a bull; the temple of Enki bellows. During the night the temple praises its lord and offers its best for him.

18-25. Before lord Enki, Isimud the minister praises the temple; he goes to the temple and speaks to it. He goes to the brick building and addresses it:

Путешествие Энки в Ниппур

1-8. В те далекие дни, когда судьбы определялись; в год, когда Ан принес изобилие и люди пробились сквозь землю словно зеленые ростки – тогда владыка Абзу, царь Энки, Энки – владыка, определяющий судьбы, построил свой храм целиком из серебра и лазурита. Серебро и лазурит его подобны яркому свету дня. В святилище Абзу он привнес радость!

9-17. Искусно созданная яркая корона, поднимающаяся из Абзу, была возведена для владыки Нудиммуда. Он построил храм из драгоценного металла, украсил его лазуритом и щедро покрыл золотом. В Эриду построил он дом на берегу. Кладка его фразы произносит и советы дает. Его карнизы ревут быкам подобно; храм Энки издает рев. Ночью храм славит своего господина, предлагая ему все лучшее!

18-25. Перед владыкой Энки слуга Изимуд славит храм; он подходит к храму и говорит с ним. Он подходит к кладке сооружения и оборачивается к

"Temple, built from precious metal and lapis lazuli; whose foundation pegs are driven into the abzu; which has been cared for by the prince in the abzu! Like the Tigris and the Euphrates, it is mighty and awe-inspiring (?). Joy has been brought into Enki's abzu."

26-32. "Your lock has no rival. Your bolt is a fearsome lion. Your roof beams are the bull of heaven, an artfully made bright headgear. Your reed-mats are like lapis lazuli, decorating the roof-beams. Your vault is a {bull} {(some mss. have instead:) wild bull} raising its horns. Your door is a lion who {seizes a man} {(1 ms. has instead:) is awe-inspiring}. Your staircase is a lion coming down on a man."

33-43. "Abzu, pure place which fulfils its purpose! E-engura! Your lord has directed his steps towards you. Enki, lord of the abzu, has embellished your foundation pegs with cornelian. He has adorned you with and (?) lapis lazuli. The temple of Enki is provisioned with holy wax (?); it is a bull obedient to its master, roaring by itself and giving advice at the same time. E-engura, which Enki has surrounded with a holy reed fence! In your midst a lofty throne is erected, your door-jamb is the holy locking bar of heaven."

44-48. "Abzu, pure place, place where the fates are determined -- the lord of wisdom, lord Enki, {(1 ms. adds the line:) the lord who determines the fates,} Nudimmud, the lord of Eridug, lets nobody look into its midst. Your abgal priests let their hair down their backs."

49-61. "Enki's beloved Eridug, E-engura whose inside is full of abundance! Abzu, life of the Land, beloved of Enki! Temple built on the edge, befitting the artful divine powers! Eridug, your shadow extends over the midst of the sea! Rising sea without a rival; mighty awe-inspiring river which terrifies the Land! E-engura, high citadel (?) standing firm on the earth! Temple at the edge of the engur, a lion in the midst of the abzu; lofty temple of Enki, which bestows wisdom on the Land; your cry, like that of a mighty rising river, reaches (?) king Enki."

62-67. "He made {the lyre, the alġar instrument, the balaġ drum with the drumsticks} {(some mss. have instead:) the lyre, the alġar instrument, the balaġ drum of your sur priests} {(1 ms. has instead:) your

нему: «Храм, построенный из драгоценного металла и лазурита; чьи сваи вбиты в Абзу, о котором заботится принц в Абзу! Подобно Тигру и Евфрату, он могуч и внушает благоговение (?). Радость пришла в Абзу Энки!»

26-32. «Твой затвор не имеет равных. Твой засов – лев устрашающий. Твои кровельные балки – бык небесный, искусно сделанное яркое оголовье. Твои камышовые плиты подобны лазуриту, украшают кровельные балки. Твое хранилище – это {бык} {(в некоторых версиях:) дикий бык}, поднимающий рога. Твоя дверь – лев, {хватаящий человека} {(по 1 версии:) внушающий ужас}. Твоя лестница – лев, прыгающий на человека».

33-43. «Абзу, чистое место, отвечающее своему предназначению! Э-Энгура! Твой господин направил свои шаги к тебе. Энки, владыка Абзу, украсил твои сваи сердоликом. Он украсил тебя и (?) лазуритом. Храм Энки обеспечен священным воском (?); это бык, послушный своему хозяину, ревуший сам по себе и одновременно дающий совет. Э-энгура, который Энки окружил изгородью из священного тростника! В твоём сердце высокий трон возведен, твой дверной косяк – священный небесный затвор».

44-48. «Абзу, чистое место, место, где определяются судьбы – господин мудрости, господин Энки, {(в 1 версии добавлена строка:) господин, который определяет судьбы,} Нудиммуд, владыка Эриду, никому не позволяет заглянуть внутрь. Твои абгаль - жрецы распустили свои волосы по спинам».

49-61. «Эриду, любимец Энки, Э-Энгура, чье нутро полно изобилия! Абзу, жизнь Страны, любимец Энки! Храм, построенный на краю, под стать божественным МЕ! Эриду, тень твоя простирается до середины моря! Вздыхающееся море, не имеющее равных; могучая, внушающая благоговение река, что ужасает Страну! Э-Энгура, высокая цитадель (?), прочно стоящая на земле! Храм у края Энгуры, лев в сердце Абзу, возвышенный храм Энки, привносящий в Страну мудрость; твой рев, подобный реву могучей бурной реки, достигает (?) царя Энки».

62-67. «Он заставил {лиру, алнар-инструмент, балан-барабан с барабанными палочками} {(в некоторых версиях:) лиру, алнар-инструмент, балан-барабан твоих сур-жрецов} {(в одной

lyre and alġar instrument, the balaġ drum with the drumsticks} {(1 ms. has instead:) the lyre, the alġar instrument, the balaġ drum and even the plectrum (?)}, the ħarĥar, the sabitum, and the miritum instruments offer their best for his holy temple. The resounded by themselves with a sweet sound. The holy alġar instrument of Enki played for him on his own and seven {singers sang} {(some mss. have instead:) tigi drums resounded}."

68-70. "What Enki says is irrefutable; is well established (?)." This is what Isimud spoke to the brick building; he praised the E-engura {with sweet songs} {(1 ms. has instead:) duly}.

71-82. As it has been built, as it has been built; as Enki has raised Eridug up, it is an artfully built mountain which floats on the water. His shrine (?) spreads (?) out into the reed-beds; birds brood {(1 ms. adds:) at night} in its green orchards laden with fruit. The suĥur carp play among the honey-herbs, and the eštub carp dart among the small gizi reeds. When Enki rises, the fishes rise before him like waves. He has the abzu stand as a marvel, as he brings joy into the engur.

83-92. Like the sea, he is awe-inspiring; like a mighty river, he instils fear. The Euphrates rises before him as it does before the fierce south wind. His punting pole is {Nirah} {(some mss. have instead:) Imdudu}; his oars are the small reeds. When Enki embarks, the year will be full of abundance. The ship departs of its own accord, with tow rope held (?) by itself. As he leaves the temple of Eridug, the river gurgles (?) to its lord: its sound is a calf's mooing, the mooing of a good cow.

93-95. Enki had oxen slaughtered, and had sheep offered there lavishly. Where there were no ala drums, he installed some in their places; where there were no bronze ub drums, he despatched some to their places.

96-103. He directed his steps on his own to Nibru and entered the Giguna, the shrine of Nibru. Enki reached for (?) the beer, he reached for (?) the liquor. He had liquor poured into big bronze containers, and had emmer-wheat beer pressed out (?). In kukuru containers which make the beer good he mixed beer-mash. By adding date-syrup to its taste (?), he made it strong. He its bran-mash.

версии:) твою лиру и алнар-инструмент, балан-барабан с барабанными палочками} {(в одной версии:) лиру, алнар-инструмент, балан-барабан и даже плектр (?)}, хархар, сабитум, и миритум-инструменты предлагать все лучшее его священному храму. сладостно звучали сами собой. Священный алнар-инструмент Энки играл для него сам собой и семь {певчих пели} {(в некоторых версиях:) тиги-барабанов звучали}."

68-70. «То, что Энки сказал, непреложно; прочно установлено (?)». Вот что Изимуд говорил кирпичному сооружению; он восхвалял Э-энгуру {сладкими песнями} {(в одной версии:) должным образом}.

71-82. Когда построил, когда построил; когда Энки воздвиг Эриду, эту искусно сооруженную гору, что держится на плаву. Его святилище (?) простирается (?) в тростниковые заросли; птицы плодятся {(в одной версии:) по ночам} в зеленых садах, богатых плодами. Сухур-карпы играют в медовых зарослях, а эштуб-карпы резвятся в небольших гизи-тростниках. Когда Энки поднимается, рыба поднимается перед ним волной. Абзу чудесным образом замирает когда он несет радость в энгур.

83-92. Словно море, он внушает благоговение; словно могучая река, он вселяет ужас. Евфрат вздымается пред ним как перед свирепым южным ветром. Его шест - {Нирах} {(в некоторых версиях:) Имдуду}; его весла – низкорослый тростник. Когда Энки поднимается на борт, год будет изобильным. Судно отчаливает само по себе, буксирный трос держится (?) сам собой. Когда он покидает свой храм в Эриду река бурлит (?) своему господину: звук ее мычания теленка подобен, мычанию коровы доброй.

93-95. Энки быков забил, и овец в жертву принес щедрую. Если не было ала-барабанов, он установил их на места; если не было бронзовых уб-барабанов, он отправил их на места.

96-103. Он сам направил свои стопы в Ниппур и вошел в Гигуну, святилище Ниппура. Энки потянулся к (?) пиву, он потянулся к (?) хмельному напитку. Он разлил напиток по большим бронзовым сосудам, и пиво из пшеницы двузернянки нацедил (?). В кукуру-сосудах, что делают пиво вкусным, он замешал пивное сусло.

Добавив финиковый сироп по вкусу (?), он сделал его крепким. Он отруби замешал.

104-116. *In the shrine of Nibru, Enki provided a meal for Enlil, his father. He seated An at the head of the table and seated Enlil next to An. He seated Nintud in the place of honour and seated the Anuna gods at the adjacent places (?). All of them were drinking and enjoying beer and liquor. They filled the bronze aga vessels to the brim and started a competition, drinking from the bronze vessels of Uraš. They made the tilimda vessels shine like holy barges. After beer and liquor had been libated and enjoyed, and after from the house, Enlil was made happy in Nibru.*

104-116. В святилище Ниппура Энки накрыл стол для Энлиля, отца своего. Усадил он Ана во главу стола, а рядом с Аном усадил Энлиля. Усадил он Нинтуд на почетное место, а по обеим сторонам от него рассадил Аннунаков (?). Все они пили и наслаждались пивом и напитком хмельным. Наполнили они ага-сосуды до краев и стали состязаться и пить из бронзовых сосудов Ураш. Они сделали так, что тилимда-сосуды засияли словно священные ладьи. Когда пиво и напиток были выпиты с наслаждением, и когда из дома, Энлиль исполнился радости в Ниппуре.

117-129. *Enlil addressed the Anuna gods: "Great gods who are standing here! Anuna, who have lined up in the Ubšu-unkena! My son, king Enki, has built up the temple! He has made Eridug {rise up (?)} {(1 ms. has instead:) come out} from the ground like a mountain! He has built it in a pleasant place, in Eridug, the pure place, where no one is to enter -- a temple built with silver and decorated with lapis lazuli, a house which tunes the seven tigi drums properly, and provides incantations; where holy songs make all of the house a lovely place -- the shrine of the abzu, the good destiny of Enki, befitting the elaborate divine powers; the temple of Eridug, built with silver: for all this, father Enki be praised!"*

117-129. Энлиль обратился к Аннунакам: «Великие боги, здесь стоящие! Аннунаки, выстроившиеся в Убшу-Ункена! Мой сын, царь Энки, построил храм! Он Эриду {воздвиг (?)} {(по одной версии:) поднял} из земли словно гору! Он построил его в приятном месте, чистом месте, куда никто не смеет войти – храм, возведенный из серебра и украшенный лазуритом, дом, который гармонично настраивает тиги-барабаны и произносит заклинания; в котором священные песни превращают весь дом в чудесное место – святилище Абзу, благая судьба Энки, под стать искусным священным силам; храм Эриду, построенный из серебра: за все это, отцу Энки хвала!»

Литература:

Allen, Richard Hinckley, 1899, *Star-Names and Their Meanings*, G.E.Stechert, New York.

Ascalone, Enrico, 2005, *Mesopotamia, Dictionaries of Civilization*, University of California Press.

Black, Jeremy and Green, Anthony, 2004, *Gods, Demons and Symbols of Ancient Mesopotamia*, An Illustrated Dictionary, The British Museum Press, London.

Black, Jeremy, et al, 2010 *The Literature of Ancient Sumer*, Oxford University Press.

Bottéro, Jean, 2004 *Religion in Ancient Mesopotamia*, The University of Chicago Press.

Crawford, Harriet, 2013, *The Sumerian World*, Routledge, New York.

Dalley, Stephanie, 2008, *Myths from Mesopotamia*, Oxford University Press.

Englund, Robert K., 1998, *Texts from the Late Uruk Period*.

Englund, Robert K., 2006, *An Examination of the "Textual" Witnesses to Late Uruk World Systems*.

Espak, Peeter, 2006, *Ancient Near Eastern Gods Enki and Ea: Diachronical analysis of texts and images from the earliest sources to the Neo-Sumerian period*, Tartu University.

Espak, Peeter, 2010, *The God Enki in Sumerian Royal Ideology and Mythology*, Tartu University Press.

Fox, Michael V., *Temple in Society*, Eisenbrauns, Winona Lake.

George, A.R., 1992, *Babylonian Topographical Texts*, Peeters Press.

George, A.R., 2004, *House Most High: The Temples of Ancient Mesopotamia*, Eisenbrauns.

Halloran, John A. *Sumerian Lexicon*, Version 3.0: <http://www.sumerian.org/sumlogo.htm>

Kramer, Samuel Noah, 1988, *The Temple in Sumerian Literature* (in *Temple in Society*, Eisenbrauns, Winona Lake).

Kramer, Samuel Noah, 1988b, *Sumerian Mythology*, University of Pennsylvania Press, West Port, Connecticut.

Legrain, L., 1936 *Archaic Seal-Impressions*, Ur Excavations, Volume III.

Leick, Gwendolen, 2001, *Mesopotamia. The Invention of the City*, Penguin Books.

Miller, Patrick D., 1985, *Eridu, Dunnu, and Babel: A Study in Comparative Mythology*, Hebrew Annual Review: Vol. 9

Roux, George, 1992, *Ancient Iraq*, Penguin Books.

Saggs, H.W.F., 1991, *The Divine in History* (in *Essential Papers on Israel and the Ancient Near East*, New York University, Greenspahn E. Frederick, editor).

Saggs, H.W.F., 1962, *The Greatness that was Babylon*, Hawthorn Books.

Van De Mieroop, Marc, 2016, *A History of the Ancient Near East ca.3000-323 BC*, Wiley Blackwell.

Wasilewska, Ewa, 2000, *Creation Stories of the Middle East*, Jessica Kingsley Publishers Ltd, London.

Wilson, E. Jan, 1999, *Inside a Sumerian Temple*, (in *The Temple in Time and Eternity*)

Гласснер, Жан-Жак, 2012, *Месопотамия*, Серия «Гиды цивилизаций», Москва, «Вече».

Емельянов В.В., 2003, *Древний Шумер, очерки культуры*, «Азбука-классика», Санкт-Петербург, (278-282).

Крамер, Самюэль, 2009, *Шумеры. Первая цивилизация на Земле*, пер. Милосердова, Центрполиграф, Москва.

Крамер, Самюэль, 1965, *История начинается в Шумере*, пер. Ф.Л.Мендельсона, Наука, Москва.

Крамер, Самюэль, 1977, *Мифология Шумера и Аккада*, пер. В.А.Якобсона, Мифологии древнего мира, Москва.

Оппенгейм, А., 1990, *Древняя Месопотамия. Портрет погибшей цивилизации*. Пер. с англ. М. Н. Ботвинника. Москва: Наука, Главная редакция восточной литературы.

Саггс, Генри, 2012, *Величие Вавилона. История древней цивилизации Междуречья*, Москва, Центрполиграф.